

На правах рукописи

ПОРШНЕВА Алиса Сергеевна

**ЖАНР ЭМИГРАНТСКОГО РОМАНА В
НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930–1970-Х ГОДОВ**

10.01.03 – Литература народов стран
зарубежья (немецкая литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы в ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Научный консультант доктор филологических наук, доцент
Турьшева Ольга Наумовна

Официальные оппоненты **Сейбель Наталия Эдуардовна**, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», профессор кафедры литературы и методики обучения литературе

Кучумова Галина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», профессор кафедры немецкой филологии

Ишимбаева Галина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», профессор кафедры зарубежной литературы и художественной культуры

Ведущая организация ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 01 февраля 2017 года в 12:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=259339>.

Автореферат разослан «___» ноября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Л. А. Назарова

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено обоснованию существования в немецком литературном процессе XX века особой жанровой единицы – эмигрантского романа, который сформировался в 1930-е годы в творчестве писателей-эмигрантов.

Эмиграция из национал-социалистической Германии (1933–1945) была масштабным феноменом, который охватил различные категории населения страны. Наряду с евреями, вынужденными эмигрировать из-за расовой политики Третьего рейха, а также левыми политическими и профсоюзными деятелями, нацистскую Германию покинуло значительное количество деятелей культуры.

В их число входили такие писатели, как Эрих Мария Ремарк, Лион Фейхтвангер, Томас, Генрих и Клаус Манны, Герман Кестен, Анна Зегерс, Бертольт Брехт, Бруно Франк, Оскар Мария Граф, Арнольд Цвейг, Эрнст Толлер и мн. др. Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер и К. Манн, чье творчество стало материалом исследования, провели первые годы эмиграции в Европе (в первую очередь, в Швейцарии и во Франции) и позже переехали в США. Опыт жизни в эмиграции нашел отражение в их творчестве, оказав непосредственное влияние на проблемно-тематическое поле их романов и их субъектно-объектную организацию. В эмиграции были написаны следующие произведения этих авторов:

- эмигрантская пенталогия Э.М. Ремарка – «Возлюби ближнего своего» (1941), «Триумфальная арка» (1945), «Ночь в Лиссабоне» (1962), «Тени в раю» (1968), «Земля обетованная» (1970);
- «Изгнание» Л. Фейхтвангера (1939);
- «Бегство на север» (1934) и «Вулкан» (1939) К. Манна.

Указанные произведения стали **материалом** диссертационного исследования. Его первичный отбор проводился на основе тематического признака. Немецкая эмигрантская литература разрабатывала множество тем, но материал исследования составили те романы, которые непосредственно посвящены эмиграции и эмигрантам. Эта тема не является доминирующей для немецкой литературы в изгнании, что, однако, не умаляет ее важности для литературного осмысления главной национальной катастрофы Германии в XX веке.

Масштабная эмиграция из тоталитарного государства нашла свое отражение в ряде художественных и нехудожественных текстов, создававшихся и непосредственно в 1930-е – первой половине 1940-х годов, так и позже, после падения режима Гитлера в 1945 году. Ряд авторов – Хильда Домин, Оскар Мария Граф, Эгон Эрвин Киш, Аннетта Кольб, Генрих Манн, Людвиг Ренн, Бодо Узе – оставили воспоминания о годах эмиграции, выпустили труды публицистического характера, путевые заметки и другие разновидности нон-фикшн.

Но и художественная мысль активно разрабатывала темы, связанные с происходящим в Третьем рейхе. В эмиграции были созданы разножанровые

произведения, объединенные антинацистской направленностью. Однако лишь относительно небольшая часть антинацистской литературы затрагивает собственно тему эмиграции. В этом ряду встречаются как романы, так и произведения других жанров: например, пьеса Б. Брехта «Разговоры беженцев» (1940–1944), рассказ Анны Зегерс «Агата Швейгерт» (1965). Но художественной формой, в которой опыт эмиграции обрел всю полноту литературного осмысления, стал роман. Разработка темы эмиграции в рамках романного жанра привела к появлению его особой жанровой разновидности – эмигрантского романа. Его основные жанровые характеристики демонстрируют произведения Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера и К. Манна. Кроме того, к изучаемому жанру могут быть отнесены и другие романы, созданные немецкими писателями-эмигрантами. Среди них – «Транзит» Анны Зегерс (1944), «Café du Dome» немецко-австрийской писательницы Анны Гмайнер (1940), «Estrangeiro» Генриха Эдуарда Якоба (1951), «Нюрнбергские близнецы» (1946) и «Чужие боги» (1949) Германа Кестена, «Иосиф и его братья» (1933–1943) Томаса Манна. Ряд этих произведений – в первую очередь романы Т. Манна и А. Зегерс – также стали предметом жанровой аналитики и сравнительного исследования.

Общей тенденцией, характеризующей немецкую эмигрантскую литературу, как отечественные, так и зарубежные исследователи считают ее политизацию и сближение с публицистикой (Ю.И. Архипов, W. Strickhausen, H. Roussel, L. Winckler, H. Naarmann), а также усиление сатирического звучания (G. Scheit).

Тенденция к политизации немецкой эмигрантской литературы включает в себя и появление эмигрантского романа – отдельного тематического блока в антинацистской, или, как принято было говорить в советской критике, «антифашистской» литературе. При этом немецкий эмигрантский роман ранее не был выделен историками литературы в отдельный литературный жанр. Хотя немецкие исследователи периодически используют понятие *Exil-Roman* («эмигрантский роман, роман об эмиграции»), однако в немецком литературоведении оно не имеет статуса жанровой номинации, а употребляется для обозначения романа, написанного в эмиграции (M. Koch, A. Stephan).

Цель работы определяется нами как выявление в немецкой литературе 1930–1970-х годов такой жанровой разновидности, как эмигрантский роман, построение его жанровой модели, обнаружение устойчивых черт, характеризующих данный жанр. Основным направлением исследования является изучение функционирования в произведениях Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, К. Манна ключевых «носителей жанра».

Такая цель обусловила постановку следующих **задач** диссертационного исследования:

- систематизировать теоретический материал, посвященный категориям пространства, сюжета и их жанрообразующему потенциалу;
- проанализировать специфику пространственной организации немецкого эмигрантского романа и ее соотношение с существующими в культуре пространственными моделями;

- рассмотреть характер события в немецком эмигрантском романе и его взаимодействие с пространственными категориями;
- выявить специфику сюжетной организации немецкого эмигрантского романа в ее взаимосвязи с пространственными категориями;
- обосновать существование эмигрантского романа как жанровой единицы литературного процесса немецкой эмиграции и определить его границы.

В основе анализа лежит «функциональная теория жанра» Н.Л. Лейдермана, выбор которой обусловлен тем, что в ней изображенное пространство понимается как один из ключевых «носителей жанра». Выделение хронотопа в целом и пространства в частности как факторов жанрообразования произошло в рамках отечественной филологической традиции (М.М. Бахтин, Н.Л. Лейдерман), но не отмечается в западноевропейских жанрологических исследованиях. Между тем, особая «пространственность» немецкого эмигрантского романа требует именно такого подхода, без учета жанрообразующей роли пространства выявление данной жанровой единицы представляется затруднительным.

В соответствии с обозначенным подходом, **предметом** настоящего исследования является жанр эмигрантского романа в немецкой литературе 1930–1970-х годов, **объектом** – специфика действующих в нем «носителей жанра», которые формируют его жанровое своеобразие.

Такой исследовательский подход – анализ литературного образа эмиграции в жанровом аспекте – обусловил научную **актуальность** диссертационного исследования. Она связана, во-первых, с устойчивым интересом литературоведения к роману и его внутрижанровой типологии. Как пишет Е.А. Цурганова, «роман как магистральный жанр художественной литературы неизменно находится в поле зрения академической науки и периодической литературоведческой печати»¹.

Во-вторых, само по себе обращение к жанровой проблематике соответствует актуальным тенденциям современного литературоведения: в настоящий момент – после достаточно долгого периода «недоверия» к категории жанра – происходит возрождение научного интереса к ней (Н.Л. Лейдерман, Ж.М. Шеффер, В.И. Тюпа, А. Зубов и др.). Жанр, по определению Ц. Тодорова, является «именно тем звеном, которое связывает произведение литературы с миром литературы в целом»². Изучение истории литературы как динамики жанровых процессов – одна из тенденций современного литературоведения, и с включенностью в ее поле связана актуальность диссертационного исследования.

В-третьих, актуальность работы связана с обращением к проблемам эмиграции и ее литературного осмысления. Массовая эмиграция сопровождает многие масштабные исторические потрясения последнего столетия – войны,

¹ Цурганова Е.А. Современный роман и особенности литературы второй половины XX в.: введение // Современный роман: Опыт исследования. – М., 1990. – С. 3.

² Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. – М., 1997. – С. 11.

революции и др. Человек, оказавшийся в эмиграции, сталкивается с множеством проблем психологического характера, и потребность в «проговаривании» этого травматичного опыта приводит к появлению в эмигрантской литературе произведений соответствующей тематики и проблематики – как это произошло, например, в активно изучаемой сегодня литературе русской белой эмиграции (Т.Н. Красавченко, А.А. Арустамова, Е.Н. Проскурина, С.А. Кибальник, Ю.В. Матвеева, Ж. Нива, И.М. Каспэ, Ю.А. Азаров). В связи с этим реконструкция жанровых черт эмигрантского романа – жанра, запечатлевшего кризисное мироощущение эмигранта, – представляется актуальной, поскольку подобная модель может использоваться при изучении не только немецкой, но и других эмигрантских литератур.

Теоретико-методологическая база исследования. Методологические установки диссертационного исследования сложились как результат синтеза идей и концепций ряда ученых и научных направлений:

- М.М. Бахтина, работы которого охватывают широкий круг вопросов поэтики жанра, сюжета, художественного пространства и художественного времени;
- отечественной и зарубежной семиотики (Ю.М. Лотман, А.Ж. Греймас, К. Леви-Стросс, Р. Барт и др.), в рамках которой были сформированы важнейшие методологические положения структурного анализа пространственной и сюжетной организации художественного текста;
- «функциональной теории жанра» Н.Л. Лейдермана, предполагающей системное рассмотрение ключевых «носителей жанра»;
- мифокритики (включая отечественные работы аналогичной проблематики) с ее вниманием к присутствующим в литературном произведении «первичным структурам» (Н.Г. Медведева). Выявить ценностные характеристики, отличающие ту картину мира, которая моделируется в изучаемых произведениях, позволяет соотнесение ее с мифологическими моделями пространства. С этой целью в работе используются идеи В.Н. Топорова и Е.М. Мелетинского о зависимости между качествами того или иного локуса и его местоположением (в центре, на границе, наверху, внизу);
- Б.О. Кормана, Н.Д. Тмарченко и др., труды которых посвящены вопросам субъектной организации художественного текста.

Степень разработанности проблемы. Теоретического осмысления такой жанровой формы, как эмигрантский роман, до сих пор в литературоведении не проводилось. Немецкая эмигрантская литература изучалась в нескольких основных направлениях. Во-первых, исследователей данного феномена интересовал вопрос о том, как факт эмиграции воспринимался писателями и как это отразилось в их произведениях (Н. Koopmann, W. Frühwald, W. Schieder, H. Maimann, G. Stern, A.W. Riley, J. Nieraad и др.). Во-вторых, активно изучается публицистическая деятельность писателей-эмигрантов (D. Schiller, P.P. Sagave, J. Holzner, A. Betz, L. Winkler, H. Koopmann, T. Sprecher, J.H. Schoeps, L. Nussbaum, K. Feilchenfeldt, L. Maas, G. Scheit). Наконец, творчество

писателей-эмигрантов рассматривается как хроника текущих событий, как отражение реалий антинацистской эмиграции. Такой подход имеет место в работах о Л. Фейхтвангере, Т. Манне, К. Манне, А. Зегерс, Б. Брехте, И.Р. Бехере, Э. Глезере, Г. Йосте. В сфере поэтики констатируется наличие в эмигрантской литературе признаков влияния сложившихся ранее литературных направлений (экспрессионизма, модернизма, реализма), а также признаков актуализации уже имеющихся, устойчивых жанров – исторического и социально-психологического романа (Е. Kleinschmidt, А. Neuhaus-Koch, В. Bannasch, G. Rochus, Ю.И. Архипов и др.). Жанровые новации в немецкой литературе, вызванные к жизни масштабной эмиграцией 1930-х годов, остались за пределами внимания как отечественного, так и зарубежного литературоведения. В последнем случае это объясняется тем, что в западной традиции пространство литературного произведения не было осмыслено в качестве жанрообразующего компонента; при этом именно жанрообразующий потенциал пространства позволяет выявить жанровую специфику немецкого эмигрантского романа.

Общность тематики и проблематики, наблюдаемая в романах об эмиграции, – не единственное, что объединяет эти произведения. Им присуще определенное сходство в принципах построения художественного мира, позволяющее говорить о немецком эмигрантском романе как об отдельном жанре; выявление такой «жанрообразующей» общности на материале творчества Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, К. Манна определяет направление нашего исследования.

Творчество Клауса Манна (1906–1949) осталось практически незамеченным историками литературы, поскольку он всегда оставался в тени литературной славы своего отца – нобелевского лауреата по литературе Томаса Манна. Его имя периодически появляется в работах, посвященных истории немецкой эмиграции, но не в исследовательских работах по литературоведению. Романы К. Манна «Бегство на север» и «Вулкан» только изредка упоминаются в работах обзорного характера (Ю.И. Архипов, А.Н. Гиривенко) и до сегодняшнего дня не переведены на русский язык.

Творчество Л. Фейхтвангера (1884–1958), достаточно активно изучавшееся при его жизни и в 1960–1980-е гг., в настоящее время редко попадает в поле зрения исследователей. Как в Европе, так и в постсоветской России симпатии Фейхтвангера к советскому государству сказались на интересе к этому автору негативно. При этом его произведения о «немцах двадцатого века» (включая роман об эмигрантах «Изгнание») не принято считать составляющими основное направление его творчества: Фейхтвангер воспринимается историками литературы и критиками, в первую очередь, как исторический романист и создатель нового типа исторического повествования – «романа прежде всего о современности» (Б.Л. Сучков, Н.Н. Рачинская, А.Н. Гиривенко, G. Scheit). Романы Фейхтвангера, посвященные современности (трилогия «Зал ожидания», состоящая из произведений «Успех», «Семья Опперман», «Изгнание»), изучались, в первую очередь, в тематическом аспекте – как отражение событий актуальной немецкой истории середины XX века.

Тематический аспект является ведущим и у тех литературоведов, которые обращаются к изучению эмигрантских романов Э.М. Ремарка (1898–1970) (Т.С. Николаева, Е. Книпович, Д.В. Затонский и др.). Такой подход был дополнен автобиографическим (Н. Schreckenberger, М. Харитонов, Т.С. Николаева и др.) и психоаналитическим (Н. Schreckenberger, Н. Placke, Н. Orłowski). Художественные же особенности романов Ремарка, как и романов Фейхтвангера о современниках, практически не рассматривались в предшествующих трудах. Кроме того, Ремарк, в отличие от Манна и Фейхтвангера, не воспринимается критиками как автор-эмигрант, представитель «эмигрантской литературы» (Exilliteratur, exile literature); В. фон Штернбург объясняет этот феномен реалиями внелитературного порядка.

При этом эмиграция может быть рассмотрена не только как тематический материал литературного творчества писателей-эмигрантов или как источник их психологических травм. Ситуация эмиграции формирует в романе, посвященном этой теме, особый художественный мир с рядом своеобразных черт. Феномен эмиграции связан с перемещением в пространстве, по-разному оцениваемом сознанием эмигранта (свое/чужое, дружественное/враждебное и т.д.). Принципиальная «пространственность» этого явления присуща не только реальной, но и литературной эмиграции. За счет этого в романе об эмиграции, который обозначен в диссертационном исследовании как «эмигрантский роман», формируется особенная пространственная образность, которая, в свою очередь, определяет своеобразие других компонентов художественной реальности.

В связи с этим **научная новизна** диссертационного исследования состоит в том, что в работе впервые предлагается теоретическая модель жанра эмигрантского романа, выявленная на материале немецкой литературы 1930–1970-х годов. Проведено комплексное исследование романов Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, К. Манна, объединенных тематикой эмиграции, которые ранее исследовались либо только в тематическом, автобиографическом и психоаналитическом аспектах (Ремарк, Фейхтвангер), либо не изучались (Манн). Впервые понятию «эмигрантский роман» придается четкое жанровое содержание; реконструируются его структурные особенности, присущие всем изучаемым образцам данного жанра.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Немецкий эмигрантский роман антинацистской направленности, представленный в немецкой литературе XX века произведениями Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, К. Манна, является особой жанровой единицей; для описания его жанровой природы понятия «антифашистского романа» недостаточно. Это романский жанр, для которого характерно единство основной темы (судьба эмигрантов из национал-социалистической Германии), особенностей субъектной организации, основных типов героев, а также единство пространственного решения, способов оформления события и единые принципы организации сюжета.

2. Для немецкого эмигрантского романа характерны особые способы организации пространства. Во всех романах пространство организовано по образцу пространства классического мифа, т.е. концентрическими кругами вокруг центральной точки, где каждый следующий круг связан с предыдущими и с центром отношениями бинарных противопоставлений. Аксиологическая маркировка тех или иных участков пространства, выстроенных «кольцами» вокруг центра, зависит от изображенного в тексте воспринимающего сознания, т.е. от принадлежности героев к одной из двух основных категорий: наци и их сторонникам, с одной стороны, или эмигрантам и поддерживающим их людям, с другой. Два полярных взгляда на разворачивающиеся события формируют разные пространственные картины мира, именуемые в работе пространством наци и пространством эмиграции. Первая из них полностью соответствует мифологической пространственной модели и основана на противопоставлении сакрального центра (Третьего рейха) и враждебной периферии (европейских стран, оказывающих ему сопротивление).

3. Пространство эмиграции, будучи структурно подобным пространству наци и пространству мифа, в ценностном смысле им противоположно, т.к. основная для него оппозиция – это оппозиция враждебного центра (Третьего рейха, зоны хаоса) и сакральной периферии (стран за пределами Европы, зоны порядка). Между центром и окраинным «кольцом» располагается не-немецкая Европа, которая формирует либо одно, либо два аксиологически различных «кольца»; каждое следующее «кольцо» более ценно для эмигрантского сознания, чем предыдущее.

4. Событие в немецком эмигрантском романе функционирует так же, как в повествовании с циклическим типом сюжетной организации: оно представляет собой пересечение границы между разными «кольцами» пространства эмиграции, сопровождающееся прохождением через пороговый хронотоп. Наиболее часто встречающийся вариант перехода – перемещение героя-эмигранта из периферийного в окраинное «кольцо», сопровождающееся событиями с пороговым статусом.

5. В немецком эмигрантском романе присутствует два основных типа героев – герои, пересекающие границу, и герои, не пересекающие ее. Основанием для их классификации является отношение к пространству. Переход границы является условием действия механизмов компенсации и завершения сюжетной линии героя «катарсисом» («обретением»).

6. Сюжетология немецкого эмигрантского романа интенсивно взаимодействует с его пространственной организацией. Сюжетная динамика обусловлена динамикой пространственной, а именно – расширением центральной зоны за счет прилегающих территорий. В пространстве наци этот процесс имеет мифологический аналог – расширение сакральной земли путем окультуривания профанной. В пространстве эмиграции он же оценивается отрицательно, как экспансия варварства и беззакония.

7. Сюжет немецкого эмигрантского романа представляет собой модификацию циклической сюжетной схемы, поскольку сохраняет все важнейшие ее компоненты («потеря – поиски – обретение»), связанные с

симметричным расположением сюжетных функций и компенсирующим событийным комплексом, но заменяет обеспечивающее компенсацию путешествие в иной мир и возвращение оттуда имеющим то же значение «путешествием из центра на окраину». Этот тип сюжета описывается термином «катарсический сюжет» и представляет собой модификацию циклической сюжетной схемы, из которой исключен момент возвращения.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней предложена жанровая модель немецкого эмигрантского романа, которая может быть использована для выявления специфики различных национальных вариантов данной жанровой формы. Раскрыты новые стороны жанрообразующего потенциала пространства, выявлены некоторые механизмы мифологизации реалистического повествования. Кроме того, в диссертации показывается взаимосвязь пространственной организации художественных текстов с особенностями сюжетостроения: выявляется специфичный для немецкого эмигрантского романа способ оформления события и предлагается термин «катарсический сюжет», описывающий модификацию циклической сюжетной схемы.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах истории зарубежной литературы XX века, истории немецкой литературы, на спецкурсах, посвященных проблемам жанра и эмигрантской литературе, а также в издательской практике.

Достоверность результатов обеспечивается освоением большого количества теоретических, исторических, литературоведческих источников, имеющих отношение к теме, обстоятельной проработкой теории жанра, пристальным вниманием к историко-литературному контексту, тщательным имманентным анализом образцов исследуемого жанра. На достоверности результатов также позволяет настаивать проработка достаточного для предлагаемых выводов материала. Это не только романы трех заявленных авторов (Э.М. Ремарка, Л. Фейхтвангера и К. Манна), жанровая специфика которых стала непосредственным предметом исследования, но и произведения, составляющие актуальный для целей настоящей работы контекст (Т. Манн, А. Зегерс, Г. Казак, Б. Брехт и др.).

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на кафедре зарубежной литературы Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). Ее основные положения и результаты были представлены в виде научных докладов, прочитанных на международных и всероссийских научных конференциях: «Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура» (Екатеринбург, 2010), «XXII Пуришевские чтения: История идей в жанровой истории» (Москва, 2010), «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2010), «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2011), «Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура» (Екатеринбург, 2012), «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2012),

«Литература в контексте современности» (Челябинск, 2012), «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2013), «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (Саратов, 2013), «Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура» (Екатеринбург, 2014), «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2014), «Лейдермановские чтения: Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и в школе. Движение времени и законы жанра» (Екатеринбург, 2014), «Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре» (Челябинск, 2014), «Национальные коды в западноевропейской литературе XIX–XXI веков» (Нижний Новгород, 2014).

Основные положения диссертации изложены в монографиях «Пространство эмиграции в романном творчестве Э.М. Ремарка» (Saarbrücken, 2010) и «Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн)» (Екатеринбург, 2014) и в 52 статьях, 17 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование включает в себя Введение, четыре главы, Заключение и библиографический список. Первая глава носит теоретический характер и посвящена определению категориального аппарата исследования, основными понятиями которого являются художественное пространство и сюжет как «носители жанра». Во второй главе описывается структура ключевых образов пространства в немецком эмигрантском романе, вводятся понятия «пространство наци» и «пространство эмиграции», выявляется аксиологическая семантика различных пространственных зон и ее связь с субъектной организацией произведения. Третья глава посвящена функционированию события в немецком эмигрантском романе. В четвертой главе анализируются более крупные сюжетные единицы и выявляются особенности сюжетологии данного жанра в целом.

Основное содержание работы

Во *Введении* дается обзор литературы по теме диссертации, оценивается степень изученности проблемы, обосновывается актуальность и новизна работы, определяются цели, задачи и методы исследования. Кроме того, во Введении приведена информация о привлекаемых в качестве материала художественных текстах, обозначается необходимый биографический и исторический контекст (эмигранты и эмиграция 1930–1940-х годов).

В *первой главе* «**Пространство и сюжет как жанрообразующие структуры литературного произведения: к теоретическим основаниям исследования**» изложены те положения, на которых базируется проводимый в работе анализ немецкого эмигрантского романа. В качестве центрального теоретического понятия заявлено понятие пространства, специфика изображения которого определяет характер других компонентов художественной реальности и которое понимается в диссертационном исследовании как ключевой для немецкого эмигрантского романа «носитель

жанра».

В *первом параграфе* «Художественное пространство как “носитель жанра”» обосновывается правомерность обособленного изучения художественного пространства и художественного времени и отмечается, что в ряде случаев именно пространство может играть ведущую роль в моделировании художественной реальности. Этот феномен зафиксирован, например, в применяемом к литературным произведениям термине «топохрон».

Далее в параграфе рассматриваются различные подходы к изучению пространственных образов. Основные тезисы работы М.М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе», в том числе касающиеся жанро- и сюжетообразующего потенциала хронотопа, понимаются, в соответствии с основным направлением исследования, как применимые и к художественному пространству.

Семиотическая традиция изучения художественного пространства основана на анализе пространственных образов как особого художественного языка. Образы пространства описываются у представителей данного направления – в первую очередь, Ю.М. Лотмана – через набор задающих основные пространственные координаты дифференциальных признаков – закрытость vs. открытость, направленность vs. ненаправленность, статичность vs. динамичность и др. При этом в семиотической традиции анализ художественного пространства не исчерпывается его дифференциальными характеристиками, пространственные образы обязательно включают в себя еще и ценностную маркировку, являясь носителем аксиологических значений.

Пространственная образность литературного произведения определенным образом соотносится с участками мифологической модели мира, развернутой по горизонтали и вертикали вокруг своего сакрального центра. Различные единицы художественного пространства обладают мифологической семантикой хаоса или космоса, а вся система пространственных образов художественного произведения может повторять или каким-то образом трансформировать эту модель. В рамках данного параграфа отдельно рассматривается феномен антропоморфного кодирования пространственных образов – мифологических и литературных. Он заключается в символическом отождествлении микро- (человеческое тело) и макрокосма (биология и космология).

Далее в параграфе рассматриваются образы домашнего и городского пространства – основные репрезентанты идеи космоса, противопоставленного хаосу. Они связаны с оппозициями центра и периферии, внешнего и внутреннего, своего и чужого.

Параграф завершается размышлениями о взаимосвязи пространственной и субъектной организации литературного произведения. Пространственная образность, которая запечатлена в немецком эмигрантском романе, транслирует ту картину мира, которая отличает эмигрантское сознание. Поэтому ее аналитика опирается на характеристику тех повествовательных форм, в которых оно (эмигрантское сознание) выражает себя. Ключевой для их анализа является идея о «неизбежной зависимости “картины мира” от своеобразия воспринимающего сознания» (Н.Д. Тamarченко).

Автор, «носитель того или иного представления о реальности» (В.Е. Хализев), и близкий к нему повествователь, а также герои, являющиеся субъектами сознания в произведении, становятся носителями определенной картины мира, ценностно- и пространственно-специфичной. Соответственно, анализ пространственной организации интересующего нас литературного материала связан и с выявлением тех субъектов речи и сознания, которые являются носителями тех или иных представлений о пространстве. В параграфе формулируется исследовательская установка, согласно которой пространственные модели мира, присутствующие в произведении, являются продуктом сознания соответствующего субъекта, и реконструкция этих пространственных представлений предполагает одновременно и анализ их субъектной отнесенности. Такой вектор анализа пространственных образов – в связке с субъектной организацией изучаемого материала – в полной мере соответствует основным положениям жанровой теории Н.Л. Лейдермана, в рамках которой субъектная и пространственная организация являются ключевыми «носителями жанра».

Соотношение пространственной и сюжетной организации литературного произведения освещается во *втором параграфе* **«Соотношение пространства и сюжета. Сюжет как «носитель жанра»**. Правомерность «выведения» сюжета из характера изображения пространства обосновывается – с опорой на работы Ю.М. Лотмана и Н.Д. Тамарченко – тем, что сюжетное событие представляет собой перемещение героя в качественно другое пространство. Здесь же рассматривается один из случаев взаимодействия пространства и сюжета – «пограничная» пространственная структура, обозначаемая М.М. Бахтиным как «хронотоп перелома» (или «пороговый хронотоп»). Прохождение героя через такой хронотоп сопряжено с сущностными изменениями в его жизни, которые в ряде случаев сопровождаются появлением в тексте символики, связанной с «новым рождением».

Событие как переход границы сформировалось в рамках циклической сюжетной схемы. Циклический характер носят многие мифологические и фольклорные сюжеты, которые представляют собой реализацию одного и того же сюжетного инварианта – путешествия в царство смерти и обратно (Н.Д. Тамарченко). С.Н. Бройтман основой данного типа сюжета называет «трехчленную циклическую схему “потеря-поиск-обретение”». Сема потери в литературоведении (В.Я. Пропп, А.Ж. Греймас, К. Леви-Стросс, К. Бремон и др.) получила множественное терминологическое обозначение: «нехватка», «недостача», «расторжение договора», «нарушение установленного порядка», «нарушение равновесия», «коллизия», «отклонение от нормы», «нарушение». Сема обретения, в свою очередь, нашла свое выражение в таких понятиях, как «ликвидация нехватки (недостачи)», «гуманизация мира», «оправдание мира», «компенсация», «восстановление договора», «устранение нарушения», «медиация» и, наконец, «катарсис» (у позднейших теоретиков, в отличие от Аристотеля, катарсис понимается как структурный компонент сюжета).

Принципиально важной для нашего исследования является связь сюжетного катарсиса с прохождением переломного хронотопа: пороговому

характеру пространства соответствует пороговый характер события, которое в нем совершается.

Кроме того, в данном параграфе вводится понятие «мир героя». В соответствии с теоретико-методологическими установками исследования, «катарсис» (применительно к изучаемому материалу) определяется как итог гармонизации и гуманизации мира героя – субъекта сознания в произведении. Говорить о катарсисе возможно даже тогда, когда обстоятельства за пределами мира героя остаются неблагоприятными и представляют собой «нарушение». Медиация, осуществляемая в пределах мира героя, оказывается необходимым и достаточным условием завершения «потери» и «поисков» романного сюжета «обретением». Поэтому имеет смысл разделение сюжетных линий на такие, в рамках которых частный мир одного или нескольких героев претерпевает нарушение порядка, а затем – его восстановление, и сюжетные линии, в которых порядок в мире героя нарушается, но последующими событиями это нарушение никак не компенсируется.

В первой главе устанавливаются критерии объединения изучаемого литературного материала в жанровую общность. Подчеркивается, что в диссертационном исследовании речь идет о неканоническом жанре XX века, для которого не может быть определен канон, но может быть реконструирована его «внутренняя мера». В качестве жанрообразующих признаков обозначены единство в принципах организации пространства, сюжета, субъектной структуры произведения, а также способах использования мифологического материала.

Вторая глава «Структура пространства эмиграции в немецком эмигрантском романе: инверсия мифологических характеристик» посвящена рассмотрению основных пространственных моделей немецкого эмигрантского романа в их субъектной значимости, моделируемых на страницах изучаемых романов в целой системе пространственных образов

Пространством наци в диссертационном исследовании названа та пространственная картина мира, которая характеризует сознание соответствующей группы персонажей – героев-наци, а также тех героев, которые идеологически могут быть к ним приравнены. Описанию ее структуры, аксиологии и специфики художественного воплощения посвящен **первый параграф** второй главы **«Пространство наци в художественной концепции немецкого эмигрантского романа»**. Пространство наци присутствует в двух из рассматриваемых эмигрантских романов – «Изгнание» Л. Фейхтвангера и «Бегство на север» К. Манна.

Пространство наци в структурном, а также в аксиологическом отношении повторяет пространство классического мифа, поскольку основополагающей для обоих является оппозиция сакрального центра и профанной, а затем враждебной периферии.

Символическим центром пространственной картины героев-наци является Третий рейх, а в нем (в романе «Изгнание») – Берлин и резиденция Гитлера в Берхтесгадене. Территория Германии представляет собой – в мифологической проекции – сакральную землю, вокруг которой располагается «иной» мир,

некультурный, неразумный и не знающий порядка. Этот мир за пределами Третьего рейха подвергается в глазах героев-наци и Йенса ценностной дифференциации: в нем выделяется первое, ближайшее к рейху, и второе «кольцо». Критерием включения тех или иных европейских стран в первое «кольцо» является их не столько географическая, сколько идеологическая близость к Третьему рейху. Оно соответствует профанной земле, которая не охвачена разумом и порядком и населена варварами (дикими людьми, но не чудовищами). В мифологии покорение профанной земли сопровождалось установлением на присоединенных территориях порядка и приобщением дикарей к господствующей культуре. Цель Третьего рейха формулируется так же: распространить свой сакральный порядок на прилегающие профанные территории.

Франция, в отличие от Швеции и других стран первого «кольца», представляет собой в романах «Бегство на север» и «Изгнание» очаг сопротивления национал-социализму. В картине мира героев-наци антинацистские политические объединения и эмигрантская пресса во Франции получают статус остаточного хаоса, вытесненного на далекую периферию обитаемой земли и соотносимого с подлежащими уничтожению чудовищами. Второе кольцо для героев-наци – это «иной мир», куда должен отправиться для уничтожения хаоса культурный герой (в романе «Изгнание» – Хайдебрегг). В мифологической проекции оно соотносится с населенной хтоническими существами и богами старшего поколения враждебной землей.

Государства за пределами континентальной Европы фактически нерелевантны для пространства наци, поскольку экспансионистские устремления Третьего рейха в указанных романах охватывают только страны первого и второго «кольца».

Пространство наци в романах Л. Фейхтвангера и К. Манна демонстрирует сходство с пространством классического мифа как в плане структуры, так и в плане аксиологии. Этот феномен интересен тем, что он представляет собой случай резкого расхождения картины мира автора и его героев. И для Манна, и для Фейхтвангера наци и сочувствующие им герои – объект однозначно негативной оценки. В качестве ценностного «противовеса» пространству наци в немецком эмигрантском романе моделируется пространство эмиграции, которое, в отличие от первого, во многом является проекцией авторского видения мира.

Пространство эмиграции становится предметом анализа во **втором параграфе** второй главы «**Пространство эмиграции в художественной концепции немецкого эмигрантского романа**», где оно определяется как художественно воплощенная пространственная картина мира, носителями которой являются герои-эмигранты.

Пространство эмиграции, как и пространство наци, повторяет структуру пространства в классическом мифе: в центре мира располагается Третий рейх, а вокруг него – на периферии – выстраиваются концентрические круги с различным аксиологическим статусом. Анализ пространства эмиграции ведется в соответствии с ценностной дифференциацией его участков.

Раздел **2.2.1 «Центральная зона»** посвящен структурным и аксиологическим характеристикам центра пространства эмиграции – Третьего рейха. Его центральное положение задается, в первую очередь, многочисленными случаями употребления лексики с пространственным значением «внутри/снаружи» в прямой речи героев-эмигрантов. И если в мифологической модели мира внешнее пространство противопоставлено внутреннему как внекультурное – культурному, то в пространстве эмиграции имеет место прямо противоположная ситуация: внекультурным является именно внутреннее, «немецкое» пространство.

В плане аксиологии Третий рейх однозначно соотносится у всех трех авторов с враждебной землей, населенной чудовищами («полуживотными») и не охваченной ни разумом, ни культурой. Это находит свое выражение в многочисленных эксплицитных и имплицитных мифологических параллелях, которые присутствуют, во-первых, в прямой речи героев-эмигрантов, во-вторых, в слове повествователя, как «следующего» за своими героями так и ведущего свою речь независимо от них. И повествователь, и герои являются субъектами прямой и косвенной негативной оценки национал-социализма и его деятелей, что позволяет говорить о них как о носителях единой «идеологической» (в терминологии Б.А. Успенского) точки зрения.

Помимо общей тенденции наделения центральной зоны пространства эмиграции статусом враждебной земли, в изучаемых романах наблюдаются и иные – индивидуальные для каждого автора – акценты в образе Третьего рейха. У Э.М. Ремарка особое внимание уделяется родному городу героя-эмигранта (Штайнера в романе «Возлюби ближнего своего» и Шварца в романе «Ночь в Лиссабоне»), который на символической основе отождествляется со смертельно больной женщиной. Эта болезнь становится метафорой нарушенных отношений героя с породившим его центральным пространством. Герои и повествователь у Л. Фейхтвангера акцентируют противопоставление центрального пространства периферийному как лживого – такому, где есть эмигранты, «говорящие правду». Герои романа К. Манна «Вулкан» воспринимают Третий рейх в первую очередь как уродливое пространство, населенное и руководимое уродливыми людьми.

В рамках важнейшего для всякой модели культуры разграничения внутреннего и внешнего пространства в мифологической модели мира «своим» и аксиологически положительным является «внутреннее». Поэтому во всех рассматриваемых романах образы центральной зоны пространства эмиграции демонстрируют полную аксиологическую инверсию по отношению к мифу – переворачивание таких основополагающих для картины мира оппозиций, как сакральная/враждебная земля, космос/хаос, наличие/отсутствие культуры, разум/неразумная грубая сила, человеческое/демоническое.

Пространство вокруг темного мира, представленного в картине мира героя-эмигранта национал-социалистической Германией, неоднородно и подвергается дифференциации. В нем выделяются одно или два периферийных и окраинное «кольцо»; образ ближайшей периферии составляет предмет анализа в разделе **2.2.2 «Периферия I: первое «кольцо» пространства**

эмиграции».

В романах Э.М. Ремарка «Тени в раю» и «Земля обетованная», а также романе К. Манна «Вулкан» первое «кольцо» вокруг Третьего рейха составляют все европейские страны. Во всех остальных случаях эмигрантское сознание дифференцирует пространство и выделяет страны, относящиеся к первому и второму «кольцу».

Поскольку в «американских» романах Э.М. Ремарка образ первого «кольца» не разработан подробно, в разделе 2.2.2 он анализируется на материале «Вулкана» К. Манна. В этом произведении в речи героев и повествователя неоднократно встречаются свидетельства принципиальной равнозначности европейского пространства за пределами Третьего рейха, вследствие чего подлинных границ между составляющими его странами, то есть внутри первого «кольца», нет. Многократно осуществляемое героями-эмигрантами пересечение формально существующих границ между странами первого «кольца» статусом сюжетного события не обладает и не предполагает перемещения в «иное» пространство.

Образы стран первого «кольца» в романе «Вулкан» складываются как результат взаимодействия двух разнонаправленных тенденций – дружественной и враждебной к эмигрантам, которые в результате дают в среднем нейтральное отношение к ним. Так же не-немецкая Европа проявляет себя и в отношении Третьего рейха, «терпя такое варварство посреди континента», т.е. не содействуя ему, но и не оказывая никакого сопротивления. Эти две тенденции взаимно уравнивают друг друга, делая территорию первого «кольца» в глазах эмигрантов «проблематичным континентом».

Кроме того, периферийное пространство связано в восприятии эмигрантов с идеей границы между миром живых и миром мертвых. У всех трех авторов первое «кольцо» пространства эмиграции – это зона, из которой можно попасть как в мир живых, то есть в окраинное «кольцо», так и в мир мертвых (уйти из жизни). При этом воссоединение героев-эмигрантов с миром живых возможно в том случае, если они, переместившись в окраинное пространство, получают там гражданство и смогут ощутить это пространство как «свое», освободившись тем самым от статуса эмигранта, а значит, перестав быть в своих глазах мертвецом. В силу этого положение героев-эмигрантов, находящихся в первом «кольце», квалифицируется как промежуточное между живым и мертвым.

В романе «Изгнание» в первое «кольцо» пространства эмиграции – как и в первое «кольцо» пространства наци – попадают Финляндия, Венгрия, Швеция и Швейцария; для героини романа «Бегство на север» это Швеция; у Э.М. Ремарка в романе «Возлюби ближнего своего» герои воспринимают как первое кольцо Австрию, Чехию, Италию и Швейцарию.

В целом, первое «кольцо» пространства эмиграции выстраивается на основе бинарной противопоставленности этой части пространства и центральной зоны. На фоне Третьего рейха первое «кольцо» представляет собой безопасную территорию, где эмигранты могут находиться без непосредственного риска для жизни, а также, в некоторых случаях, реализовывать себя в профессиональном плане (Беньямин Абель, «Вулкан»). В

символическом смысле нахождение в первом «кольце» становится для героев-эмигрантов пребыванием в промежуточном состоянии между жизнью и смертью: эмигранты символически мертвы, и вернуться в мир живых, оставаясь в пространстве ближайшей периферии, они не могут.

Раздел **2.2.3 «Периферия II: второе «кольцо» пространства эмиграции»** посвящен представленному в романах «Возлюби ближнего своего», «Ночь в Лиссабоне», «Бегство на север» и «Изгнание» феномену второго «кольца». Его образуют в картине мира героев романа «Ночь в Лиссабоне» Португалия, в остальных трех романах – прежде всего Франция. Страны второго «кольца» воспринимаются эмигрантами не только по контрасту с нацистским государством, но и на фоне стран первого «кольца» как место, пригодное для проживания эмигрантов. В отличие от первого «кольца», где эмигрантов только «терпят», во втором им открываются новые возможности – получение разрешения на работу, организация печатных изданий и политической деятельности, направленной против усиления влияния национал-социализма в Европе. Отдельно в параграфе освещается свойство второго «кольца» порождать культурных героев, которые отправляются в темный мир – в Германию – для распространения разума на этих территориях.

Второе «кольцо» (в случае недифференцированности Европы за пределами Третьего рейха – первое) содержит в себе определенный участок, который может быть квалифицирован как «пороговый», в терминологии М.М. Бахтина, хронотоп и который позволяет героям-эмигрантам переместиться из периферийного в окраинное «кольцо» – за пределы континентальной Европы. Окраинное «кольцо», образ которого анализируется в разделе **2.2.4 «Окраина пространства эмиграции»**, непосредственно изображается в романах К. Манна «Вулкан», Э.М. Ремарка «Тени в раю» и «Земля обетованная», в небольшом объеме – в «Изгнании» Л. Фейхтвангера. Оно представлено в эмигрантской картине мира такими странами, как США, Китай, Палестина, СССР, Латинская Америка, Новая Зеландия, французские колонии.

Различия между ближайшей периферией и окраиной распространяются на целый ряд аспектов. Во-первых, практически все люди, населяющие пространство окраинных стран, в отличие от европейцев, хорошо относятся к эмигрантам и не принимают наци и их политику.

Во-вторых, окраинная зона пространства эмиграции создает условия для максимальной самореализации героев-эмигрантов, которые именно там получают возможность осуществить свои планы, завершить проекты, создать главное творение своей жизни (периферийная Европа по сравнению с Третьим рейхом тоже давала такую возможность, но всегда накладывала определенные ограничения). Для обретения «своего» места в профессиональном плане героям-эмигрантам недостаточно покинуть Третий рейх – они должны переместиться на окраину пространства эмиграции. Кроме того, именно в окраинном «кольце» ряду героев удастся обрести утраченное домашнее пространство.

Наконец, окраина пространства эмиграции воспринимается эмигрантами – в противоположность периферийным зонам – как пространство живых людей.

Это обстоятельство особо выделено у К. Манна и Э.М. Ремарка, но образность на основании противопоставления живого и мертвого используется для моделирования оценочных противопоставлений периферийных и окраинного «кольца» в эмигрантском сознании у всех изучаемых авторов.

Кроме того, герои Ремарка и Л. Фейхтвангера используют и другие основания для бинарного противопоставления окраинной Америки как «второй реальности» («Тени в раю») периферийной Европе: толерантность/нетолерантность, искусственное/настоящее, наличие/отсутствие души, новое/старое.

В выводах по главе акцентируются параллели между образами пространства наци, пространства эмиграции и пространства классического мифа. Все три модели идентичны в структурном отношении, так как основаны на противопоставлении центра и периферии и представляют собой систему концентрических кругов, выстроенных вокруг центральной точки. В пространстве мифа и пространстве наци удаление от центра сопровождается поэтапным ослаблением сакральной «заряженности» пространства. В структурно идентичном им пространстве эмиграции аксиологические маркеры расставлены противоположным образом: сакральной земле соответствует окраинное кольцо, враждебной – центр.

Проведенные наблюдения над функционированием двух основных пространственных моделей немецкого эмигрантского романа дают возможность охарактеризовать тех субъектов речи и сознания, которые являются носителями соответствующей картины мира. Картина мира героев-наци развернута в романах Л. Фейхтвангера и К. Манна в одном случае с помощью нейтральной повествовательной ситуации, в другом – за счет использования развернутой прямой речи персонажа. Однако и в том, и в другом случае введенное в роман сознание наци – это чужое сознание, которому противопоставлено ценностно «обратное» сознание эмигранта. Носителями эмигрантского сознания, в свою очередь, являются такие субъекты высказывания, как повествователь, рассказчик («Ночь в Лиссабоне», «Тени в раю», «Земля обетованная»), а также герои-эмигранты, выступающие как субъекты речи и сознания.

Пространство эмиграции является, таким образом, доминирующим пространственным образом немецкого эмигрантского романа, задающим основные параметры его художественной реальности. Принципиальная общность в моделировании пространственных образов сопровождается и общностью в организации субъектной структуры произведений: все (или почти все) ключевые субъекты немецкого эмигрантского романа – носители эмигрантского мироощущения; введение в текст героев-наци является актом ввода «чужого» сознания, на фоне которого может более контрастно и ярко восприниматься «свое» – эмигрантское.

Аксиологическая инверсия пространства эмиграции по отношению к пространству наци и пространству мифа дает основания поставить вопрос о специфике сюжета, порождаемого такой пространственной организацией. В связи с этим две последующих главы диссертационного исследования

посвящены сюжетологии немецкого эмигрантского романа: в третьей главе рассматривается характер события в произведениях изучаемого жанра, в четвертой выстраивается модель его сюжета.

В *третьей главе «Категория события в немецком эмигрантском романе: сюжетно-пространственный комплекс “переход границы”»* наблюдения Ю.М. Лотмана, Н.Д. Тамарченко и др. о сюжетном событии как пересечении топологической границы связываются с понятием «пороговый хронотоп». В главе очерчивается перечень характеристик комплекса перехода границы в немецком эмигрантском романе: переход представляет собой пересечение границы между качественно различными пространственными зонами (в большинстве случаев – между одним из периферийных и окраинным «кольцом»), которое сопровождается прохождением героем через пороговый хронотоп и пороговыми событиями; без них (т.е. произвольно, только по желанию героя) переход невозможен.

В *первом параграфе* третьей главы «Переход границы в романе Л. Фейхтвангера “Изгнание”» рассматриваются сюжетные линии нескольких персонажей романа – главных героев, а также героев второго плана. Выводится следующая закономерность: необходимой предпосылкой перехода границы является соответствие индивидуальной аксиологии героя аксиологическим ориентирам пространства эмиграции. Если ценности героя по-прежнему связаны с покинутой родиной и неосуществимым желанием вернуться в прошлое, то герой перейти границу не может.

К первой группе героев относятся Зепп Траутвайн и его сын Ганс, а также Элли Френкель. Пороговым событием для Зеппа и Элли становится принесенная в их пользу жертва Анны Траутвайн. В итоге Зепп переходит границу в художественном мире своей симфонии «Зал ожидания», а Элли переселяется в Англию, которая у Фейхтвангера является частью окраинного «кольца». Ганс же приносит собственную жертву, расставаясь с вещами, связывающими его с жизнью в Мюнхене, и переезжает в другую окраинную страну – СССР, чтобы «строить новый мир».

Вторую группу героев составляют собственно Анна Траутвайн и Рингсайс. В противоположность героям из первой группы, они имеют «центростремительную» систему ценностей и вынужденное расставание с родиной воспринимают как безусловное несчастье. Их пребывание в пограничном состоянии заканчивается физическим переходом в мир мертвых.

Выявленные закономерности перехода границы функционируют и в других изучаемых образцах жанра немецкого эмигрантского романа и остаются в принципе едиными даже с учетом индивидуальных особенностей каждого произведения. Так, специфика рассматриваемого во *втором параграфе* третьей главы «Переход границы в романе К. Манна “Бегство на север”» эмигрантского романа состоит в том, что предметом изображения становится в нем самая ранняя фаза немецкой эмиграции (это связано не в последнюю очередь со временем его создания: роман завершен в 1934 году). Во многом поэтому реализуемый в нем комплекс перехода границы не включает в себя перемещение в окраинное «кольцо». Переход границы выведен в романе

дважды: в первом случае это перемещение героини из темного мира в первое «кольцо», во втором – из первого во второе. В обоих случаях пороговым событием, обеспечивающим переход, становится жертва. В первом случае жертву в пользу героини приносит ее мать. Второй переход границы оказывается возможен благодаря двойной жертве: сначала во время нелегальной поездки в Германию жертвует собой Бруно, и его поступком ликвидируется внутренняя неготовность героини к переходу; вторую жертву приносит сама Иоганна, отказавшись от возникших в Швеции личных привязанностей ради антинацистской деятельности во Франции. Результатом перехода становится попадание героини из «кольца» нейтрального в аксиологически положительное, благодаря чему она ощущает, что ее жизнь стала осмысленной, и готовится реализовать себя в роли культурного героя.

Последующие 4 параграфа посвящены переходу границы в романах Э.М. Ремарка. Первый роман его эмигрантской пенталогии – «Возлюби ближнего своего» – рассматривается в *третьем параграфе* третьей главы **«Переход границы в романе Э.М. Ремарка “Возлюби ближнего своего”»**. В романе «Возлюби ближнего своего» повествование строится на переплетении двух формально обособленных сюжетных линий – линии Людвиг Керна и Рут Холланд и линии Йозефа Штайнера. Все эти герои – эмигранты, их пути пролегал через одни и те же места и периодически пересекаются. Линии Керна/Рут и Штайнеров находятся в отношениях взаимной дополнительности. В ряде случаев «недостача», претерпеваемая младшими героями, компенсируется старшими, и наоборот. По такой же схеме выстроен в романе Ремарка переход границы: границу пересекают Людвиг Керн и Рут Холланд, герои младшего поколения, и возможность перехода «покупается» жизнью Штайнеров – героев старшего поколения. Этот событийный комплекс оформлен целым рядом символических деталей, позволяющих прочесть случившееся именно в контексте принесения жертвы одним героем в пользу других. Пороговым хронотопом для героев романа «Возлюби ближнего своего» становится Париж, образ которого в восприятии героев-эмигрантов также символически оформлен как граница, за которой начинается окраина пространства эмиграции.

В *четвертом параграфе* третьей главы **«Переход границы в романе Э.М. Ремарка “Триумфальная арка”»** рассматривается реализация данного сюжетно-пространственного комплекса в сюжетной линии Равика – главного героя романа. При этом привлекается также и материал незавершенного романа «Земля обетованная», в числе героев которого снова появляется Равик и где можно увидеть результат перехода.

В случае Равика, который ориентирован явно «центробежно», основным препятствием к переходу и силой, удерживающей его в Европе, является неосуществленная месть офицеру гестапо Хааке – виновнику смерти его подруги Сибиллы. Мечь Хааке становится для Равика пороговым событием, которое «гасит» его травму, и позволяет совершить переход границы и обрести «свое» место в окраинном «кольце».

Что касается следующего романа пенталогии Э.М. Ремарка, который

анализируется в *пятом параграфе* третьей главы **«Переход границы в романе Э.М. Ремарка “Ночь в Лиссабоне”**», то здесь сюжетная раскладка демонстрирует заметное сходство с расстановкой героев в романе «Возлюби ближнего своего». Переход границы, как и в первом романе, осуществляется младшими героями – анонимным героем-рассказчиком и его женой Рут – за счет жизни героев старшего поколения (Йозефа Шварца и его жены Хелен). Пороговым хронотопом для героев романа становится город Лиссабон, который символически отождествляется с женщиной и, в соответствии с амбивалентной природой женского начала, старших героев хоронит, а младших – заново рождает.

Если в первых трех романах пенталогии выведены герои, которые переходят границу и завершают период пребывания в статусе эмигранта, то в романах «Тени в раю» и «Земля обетованная» появляется и другая категория героев, в сюжетных линиях которых комплекс перехода границы не присутствует. Именно их сознание становится в романе доминирующим. Этот феномен анализируется в *шестом параграфе* третьей главы **«Переход границы в романах Э.М. Ремарка “Тени в раю” и “Земля обетованная”**». Герои, перешедшие границу (банкир Фрислендер/Танненбаум, Равик, Кармен), не становятся ни в одном из этих романов персонажами первого плана и субъектами сознания. Герой, от лица которого ведется повествование, – Роберт Росс, в одном случае, и Людвиг Зоммер, в другом, – «своего места» в Америке не обретает, свое прошлое «погашенным» не считает и, соответственно, подлинного перехода границы не совершает. Этим обусловлен его последующий выбор в пользу возвращения в Европу. Герои, не совершившие подлинного перехода, а только формальный (т.е. переместившиеся в США, на окраину, не «погасив» все обязательства, связывающие их с периферийным «кольцом»), сосредоточены у Ремарка на трагическом переживании своей неспособности стать американцами и обрести «свое» место в окраинном «кольце».

Наибольшее разнообразие героев можно наблюдать в романе «Вулкан», который анализируется в *седьмом параграфе* третьей главы **«Переход границы в романе К. Манна “Вулкан”**». Сначала в параграфе рассматриваются герои, пересекающие границу. Это, во-первых, Марион фон Каммер, в пользу которой приносит жертву Марсель Пуаре. Во-вторых, границу пересекает Бенъямин Абель, который уплачивает для этого символический «выкуп». В-третьих, в число этих героев попадает Давид Дойч, который ради перехода границы приносит в жертву свою научную работу. Наконец, к этой же категории персонажей относится профессор Самуэль, который символически переживает собственную смерть. При всем разнообразии пороговых событий, которые делают возможным переход границы, результатом для всех героев является обретение «своего» места в окраинном кольце и ликвидация «недостач», возникших в немецкий и европейский период их жизни.

В романе «Вулкан» обширно представлена и другая категория персонажей, которые из свойственного героям-эмигрантам промежуточного состояния

между жизнью и смертью переходят в мир мертвых. К числу таких героев принадлежат Тилли фон Каммер, Мартин Корелла, Зигфрид Бернхайм, Натан-Морелли. Все они в той или иной степени осознают свое положение на границе и возможность начать новую жизнь в мире живых. Однако ценностные установки этих героев, в отличие от героев первой группы (которые нацелены на удаление от темного мира и перемещение в окраинное кольцо), связаны с их прошлой жизнью и покинутой родиной. Они неоднократно упоминают «тоску по родине» (Heimweh) для описания своего душевного состояния. В итоге все они из пограничного положения переходят в мир мертвых в буквальном смысле.

Рассмотрение комплекса перехода границы позволяет, таким образом, выстроить типологию героев немецкого эмигрантского романа. Попытки построения такой типологии уже предпринимались в статьях и монографиях, посвященных творчеству изучаемых авторов, причем герои в рамках этих типологий делились на «политически активных» и «нейтральных» (Б.Л. Сучков, Д.В. Затонский, Т.С. Николаева). Нам представляется более продуктивным построение типологии персонажей немецкого эмигрантского романа опорой на критерий, предложенный Ю.М. Лотманом в работе «О метаязыке типологических описаний культуры», – «отношение к пространству». По этому критерию герои немецкого эмигрантского романа поддаются делению на два основных типа. Персонажи первого типа совершают переход границы, в результате которого их сюжетные линии обретают благополучное завершение. Второй тип образуют персонажи с центростремительно ориентированной системой ценностей, которые в силу этого перейти границу не хотят и не могут.

Предпосылкой перехода является соответствие системы ценностей героя инвертированной аксиологии пространства эмиграции. Во всех случаях переход становится возможным благодаря событиям с пороговым статусом – это может быть жертвоприношение, выкуп, месть или символическое переживание собственной смерти. Состоявшийся переход границы имеет своим результатом укоренение героя в окраинном «кольце» пространства эмиграции и ликвидацию всех возникших в его биографии «недостач». При этом переход границы практически всегда изображается как выход из свойственного эмигрантам промежуточного состояния между жизнью и смертью в мир живых; в этом смысле герой-эмигрант, отправляющийся на окраину, подобен герою волшебной сказки, возвращающемуся в исходную точку; в обоих случаях имеет место пересечение границы между смертью и жизнью. Э.М. Ремарк разрабатывает для этого типа героев развернутую символическую параллель с евреями, покидающими Египет.

В пределах сюжетных линий второго типа героев ликвидации недостачи не происходит. Это напрямую связано с тем, что данной группе персонажей присуща ностальгия по своему донацистскому прошлому и Германии, т.е. их система ценностей ориентирована центростремительно. Вследствие этого они ничем не жертвуют, не проходят через пороговый хронотоп и не перемещаются в окраинное кольцо пространства эмиграции. Герои с центростремительной

системой ценностей на выход в мир живых не способны и в ряде случаев пребывание в промежуточном состоянии заканчивается соединением с миром мертвых – смертью в буквальном смысле этого слова.

Тем самым диссертационное исследование примыкает к одной из двух основных традиций в изучении литературного героя. В реферируемой работе герой рассматривается не как носитель определенного характера, а как участник сюжета, действующее лицо, в его обусловленности сюжетным развитием и пространственной организацией.

Переход границы – феномен в основе своей пространственный – становится ключевым фактором ликвидации «недостачи» в сюжетной линии героев, а его отсутствие делает такую ликвидацию невозможной. Соответствующего теоретического осмысления требуют и два способа организации сюжета, связанные с реализацией и не-реализацией комплекса перехода границы.

Рассмотрение всех аспектов перехода границы (его необходимых условий, механизмов осуществления и последствий) как ключевого события в биографии героя-эмигранта позволяет перейти к изучению более крупных сюжетных категорий и к построению единой модели сюжета немецкого эмигрантского романа, что осуществляется в *четвертой главе* диссертационного исследования **«Структура пространства как фактор сюжетообразования в немецком эмигрантском романе»**.

Интенсивное взаимодействие пространственных и сюжетных категорий неоднократно подчеркивается в работах отечественных теоретиков литературы (Н.Д. Тамарченко, Ю.М. Лотман). Особая роль в этом взаимодействии принадлежит событию, которое трактуется как перемещение героя в качественно другое пространство; при этом в немецком эмигрантском романе сюжет в целом зависит от пространственной организации.

Первый параграф четвертой главы **«Концентрическая структура пространства эмиграции как детерминанта события»** посвящен зависимости сюжетной динамики от структуры пространства эмиграции. «Первичность» пространства по отношению к сюжету наиболее выпукло проявляет себя в следующем. Концентрическая структура пространства эмиграции – в том виде, в каком она представлена в романах «Возлюби ближнего своего», «Изгнание» и «Бегство на север» (т.е. романах, где имеет место внутренняя дифференциация не-немецкой Европы), – делает невозможным прямое перемещение героя-эмигранта из Германии во Францию, хотя в географическом отношении это вполне реализуемо. Но ни у Ремарка, ни у Фейхтвангера, ни у Манна ни один герой-эмигрант не перемещается напрямую из Германии во Францию. Прежде чем попасть во Францию, страну второго «кольца», герой *обязательно* должен пройти через первое «кольцо» вокруг нацистской Германии. Это связано с тем, что его страны обладают в пространстве эмиграции иным аксиологическим статусом, нежели Франция, которая по своей символической удаленности от Германии принадлежит ко второму пространственному «кольцу». Пространство эмиграции определяет путь героев, который они не имеют возможности выбрать добровольно.

Факт установления в Германии тоталитарного режима, то есть – в мифологической проекции – возникновения темного мира, заставляет персонажей переместиться в одну из стран первого «кольца». Все они в той или иной степени «вытеснены» из центра мира – непосредственной угрозой, актом лишения гражданства и выдворения из страны или своей неспособностью жить в тоталитарном государстве. Во всех случаях старт эмигрантской биографии героя – следствие обозначенных трансформаций в европейском пространстве и формирования в нем ценностно дифференцированных концентрических кругов.

Проследить процесс формирования концентрических кругов в пространстве эмиграции возможно на материале только одного из рассматриваемых эмигрантских романов – «Возлюби ближнего своего» Э.М. Ремарка. В первой части этого произведения концентрическая структура пространства эмиграции еще находится в процессе оформления. В завязке романа возникновение темного мира в центре Европы уже произошло, и Германия наделена исключительно негативным статусом. Но за пределами рейха степень опасности не-немецкой Европы принципиально одинакова. И только по мере развития действия происходит дальнейшая дифференциация пространства эмиграции. Опасной зоной становятся Австрия, Швейцария, Чехословакия и Италия; Францию же, напротив, эмигрантское сознание относит ко второму «кольцу», объявляя «единственной страной, которая еще осталась для нас в Европе». Так в романе «Возлюби ближнего своего» постепенно оформляется та концентрическая структура пространства эмиграции, в рамках которой первое – не-немецкое, но все же опасное для эмигрантов «кольцо» вокруг Третьего рейха – является качественно другим пространством по сравнению с Францией, участком второго, безопасного «кольца».

Концентрическая топография пространства эмиграции предопределяет движение героев-эмигрантов и порядок прохождения ими зон, по-разному аксиологически маркированных.

Самым показательным в этом отношении является роман Клауса Манна «Бегство на север». В этом произведении пространство эмиграции «ведет» героиню определенным маршрутом. В частности, необходимости делать остановку в Швеции по пути во Францию у Иоганны нет. Но пространство своими особенностями, неравнозначностью своих границ (выбраться из Германии она может только через северную границу) «подталкивает» героиню в сторону Швеции и формирует ее маршрут. Свою жизнь в Швеции Иоганна воспринимает как лишенную смысла; чтобы придать ей осмысленность, осознаваемую ею как целенаправленная борьба против нацистского режима, она должна пересечь еще одну границу и переместиться в страну второго «кольца», символически занимающую окраинное положение по отношению к рейху, – Францию. Три стадии в биографии героини, изменение ее ценностных установок соответствуют трем последовательно сменяющим друг друга участкам пространства эмиграции, по которому она передвигается; структура пространства формирует сюжет романа.

На формирование сюжета оказывает решающее влияние не только

концентрическая структура пространства наци/пространства эмиграции сама по себе, но и происходящие в нем динамические процессы. Основным их направлением, фиксируемым сознанием как наци, так и эмигрантов, является расширение границ центральной территории за счет периферийных зон. Оно обусловлено стремлением Третьего рейха подчинить своей власти или по крайней мере влиянию как можно больше стран и ликвидировать очаги сопротивления на периферийных участках территории. Отражение этих процессов в сознании героев-наци рассматривается во *втором параграфе* четвертой главы **«Расширение центра в пространстве наци как детерминанта события: “Изгнание” Л. Фейхтвангера»**. Здесь ключевым для анализа героем является Конрад Хайдебрегг – необычайный посланник Гитлера, прибывающий в Париж бороться с эмигрантской прессой и настраивать общественное мнение в пользу Третьего рейха. Герой стремится присоединить Францию к сфере немецкого влияния. Для этого он, подобно культурным героям различных мифологий мира, отправляется в расположенную за пределами Третьего рейха враждебную землю, чтобы уничтожить чудовищ (эмигрантскую прессу) и устанавливать «закон», распространять разум и порядок, которые в пространстве наци воплощает национал-социалистическое государство.

Ту же направленность имеют и другие происходящие в романе процессы – как «большого» («развертывание немецкой силы» во время съезда партии в Нюрнберге, после которого ослабевают позиции эмигрантской прессы), так и «малого» формата. В параграфе анализируется «пограничный» герой Визенер, который сочетает в себе черты «варвара» и «цивилизованного». В психологии этого отдельного героя происходит то же самое, что и в пространстве наци/пространстве эмиграции в целом: укрепляется та ее часть, которая связана с «немецким» началом, грубой силой, а то, что объединяло Визенера с эмигрантами, вытесняется.

В *третьем параграфе* четвертой главы **«Расширение центра в пространстве эмиграции как детерминанта события в немецком эмигрантском романе»** анализируется, как сознание героев-эмигрантов воспринимает и осмысливает расширение центральной зоны, которое «выталкивает» их все дальше – из первого во второе и далее в окраинное «кольцо».

Логика центробежно ориентированного пространства эмиграции предписывает героям движение в строго определенном направлении, поэтапно «выталкивая» их сначала из «темного» центра, средоточия хаоса и неразумия, к европейской периферии, а затем из Европы – в окраинные участки пространства эмиграции. При этом второй этап данного процесса – вытеснение эмигрантов из первого во второе «кольцо» – напрямую обусловлен расширением немецкой территории, агрессивной экспансией Третьего рейха, и находит свое выражение как в процессах исторического масштаба, так и в событиях частной жизни героев-эмигрантов, которые в той или иной форме вытесняются либо персонально героями-наци, либо под воздействием усилившегося немецкого влияния.

В *четвертом параграфе* четвертой главы «**Пространственная обусловленность катарсиса в сюжете немецкого эмигрантского романа**» речь идет о специфике катарсиса в произведениях изучаемого жанра. Катарсис связывается в работе с категорией «мир героя» и понимается как ликвидация недостачи в частном мире одного или нескольких персонажей. Если сопоставить данные, полученные при анализе комплекса перехода границы в немецком эмигрантском романе, с выявленными закономерностями влияния структуры пространства и происходящих в нем динамических процессов на формирование сюжета, то обнаруживается следующее. Завершение сюжетной линии того или иного героя «ликвидацией недостачи», необходимым условием которого является переход границы и перемещение в окраинное «кольцо», *связано в пространственном отношении не с возвращением в исходную точку (как в циклическом сюжете), а с максимальным удалением от нее.* Циклическая модель «путешествия туда и обратно» в немецком эмигрантском романе разворачивается в «путешествие из центра на окраину» – с сохранением и полной реализацией схемы «потеря – поиски – обретение».

В связи с этим в работе в качестве альтернативы предлагается термин «катарсический сюжет», в котором схема «потеря – поиски – обретение» разворачивается в рамках «путешествия из центра на окраину» и катарсис обеспечивается не возвращением, а, наоборот, прибытием в окраинное «кольцо».

В свете обращения к категории «мир героя» в диссертации вводится – дополнительно к термину «катарсический сюжет» – понятие «катарсическая сюжетная линия». Это связано с тем, что в ряде случаев («Вулкан» К. Манна, «Изгнание» Л. Фейхтвангера, «американские» романы Э.М. Ремарка) в немецком эмигрантском романе разворачивается не одна, а несколько параллельных сюжетных линий, которые могут содержать в себе основанный на переходе границы компенсирующий событийный комплекс или быть его лишены.

При этом изучаемые романы отличаются разной степенью «итоговой» катарсичности в зависимости от того, какие сюжетные линии являются в них смысловыми доминантами. Кроме того, эмигрантская пенталогия Э.М. Ремарка дает возможность проследить эволюцию поэтики сюжета у данного автора.

Романы, которые характеризуются доминированием одной или нескольких катарсических сюжетных линий, рассматриваются в *разделе 4.4.1 «Романы с катарсическим сюжетом»*. В романе «Бегство на север» содержится одна сюжетная линия, которая содержит в себе комплекс перехода границы и обеспечивает роману катарсический характер.

Более сложная картина наблюдается в романах Л. Фейхтвангера «Изгнание» и К. Манна «Вулкан». Первый из них демонстрирует катарсическое завершение главных (Зепп и Ганс Траутвайны), а также второстепенных (Элли Френкель) сюжетных линий, что обусловлено фактом перехода границы этими героями. Однако, помимо этого, Фейхтвангер моделирует и ряд параллельных основному сюжетов, которые не представляют собой полноценное развертывание эмигрантской биографии и/или не связаны прямо с переходом

границы, но, тем не менее, содержат в себе функции-корреляты «расторжение договора» и «восстановление договора» (смерть писателя Гарри Майзеля и его символическое воскресение в Рауле де Шассефьере и др.). Параллельные основным катарсические линии наблюдаются и в романе К. Манна «Вулкан». Помимо истории прозрения Дитера, это посвящение Кикжу, которое герой проходит дважды. В обоих случаях оно становится частью механизмов компенсации: в первом он становится культурным героем, замещая погибшего Марселя Пуаре, а во втором – писателем, замещая умершего Мартина; тем самым он ликвидирует вызванные их смертью недостатки. Соответственно, «Вулкан» К. Манна также может быть квалифицирован как роман катарсический.

Первые два романа эмигрантской пенталогии Э.М. Ремарка также являются однозначно катарсическими, т.к. сюжетные линии главных героев в обоих случаях основаны на комплексе перехода границы. «Ночь в Лиссабоне» в целом демонстрирует те же закономерности, однако здесь катарсическая сюжетная модель – впервые в эмигрантской пенталогии – сопровождается некоторыми отклонениями. Младшие герои совершают переход границы благодаря жертве, принесенной старшими, однако обязательной с точки зрения логики построения катарсического сюжета свадьбы – «действия победы над смертью» (О.М. Фрейденберг) – или событий, которые функционально были бы ей уподоблены, не происходит (в то время как, например, в романе «Возлюби ближнего своего» момент перехода границы сопровождается появлением в тексте свадебной символики). В итоге Рут – женский персонаж младшего поколения – остается в окраинном «кольце» и выходит замуж за американца, а герой-рассказчик возвращается в Европу, где переживает сильнейшее разочарование. В силу этого рассказчик на последнем этапе повествования выпадает из катарсической сюжетной схемы, и катарсическое завершение романного сюжета оказывается неполным. В этом смысле роман «Ночь в Лиссабоне» представляет собой переходный этап между первыми двумя – катарсическими – романами эмигрантской пенталогии и двумя последними романами, в которых действие происходит в Америке и в сюжет которых момент катарсиса в целом не включен.

Эти произведения рассматриваются в разделе **4.4.2 «Романы с некатарсическим сюжетом»**. Протагонисты обоих романов и ряд других героев не переходят границу и не переживают компенсирующих событий, вследствие чего сюжет «Теней в раю» и «Земли обетованной» скорее несимметричен: травмы в нем чаще всего не «гасятся» и «восстановления договора» не происходит.

Оба романа интересны тем, что в них изображается как несостоятельная гипотетически возможная циклическая модель сюжета, в рамках которой медиация осуществлялась бы посредством возвращения героя в Германию после краха национал-социализма. Эта линия связана с Бетти Штайн в романе «Тени в раю» и Джесси Штайн в романе «Земля обетованная» (в обоих произведениях сюжетное решение символично: героиня умирает за несколько месяцев до конца войны). Возвращение для героев Ремарка не может стать

фактором осуществления «медиации» в художественном мире «американских» романов – и поэтому циклическая сюжетная модель здесь невозможна.

Другая возможная модель – обретение «своего» пространства на американском континенте после перехода границы – реализована только двумя персонажами второго плана, Равиком и Фрислендром (Танненбаумом), ни один из которых не становится в «американских» романах субъектом сознания. Тем же героям, из перспективы которых ведется повествование (Роберт Росс в одном случае и Людвиг Зоммер в другом), не удается привести в гармоничное состояние свой частный мир. Оба героя задумываются о возвращении в Европу как о шансе отомстить. Но по возвращении Росс после нескольких лет поисков не может найти ни спасшего ему жизнь директора Брюссельского музея, ни убийц отца. Гуманизации мира героя не происходит, «катарсис» в структуре романного сюжета отсутствует. Это прямое следствие отсутствия в жизненном пути героя перехода границы – того фактора, которые определил катарсический исход сюжета первых трех романов эмигрантской пенталогии.

Незаконченный роман «Земля обетованная» (в том виде, в каком он был оставлен Ремарком) тоже не содержит катарсического завершения сюжета. Однако в заметках писателя, прилагающихся к незавершенному роману, намечены и другие – в том числе катарсические – варианты разрешения сюжетной коллизии, в рамках которых Людвиг Зоммер так или иначе осуществляет свою месть. Вполне вероятно, что такое разнообразие вариантов романного финала происходило от неопределенности отношения самого Ремарка к событиям исторического и своего личного прошлого.

По итогам этих наблюдений можно сделать вывод об интенсивном взаимодействии пространственной и сюжетной организации немецкого эмигрантского романа. Пространство эмиграции с расширяющимся «темным» центром создает мощный выталкивающий импульс, который действует на героев-эмигрантов, вынуждая их двигаться в направлении окраинного «кольца».

Сюжетостроение немецкого эмигрантского романа демонстрирует сходство с циклическим сюжетостроением, так как немецкий эмигрантский роман основан на трехчленной схеме «потеря – поиск – обретение», причем обретение утраченного космоса возможно благодаря переживанию героем собственной смерти и выходу в мир живых. Как и в сюжете циклического типа, в немецком эмигрантском романе «среднее звено связано с пребыванием персонажа в чужом для него мире и/или прохождением через смерть»¹. Однако в пространственном отношении циклический сюжет предполагает возвращение в исходную точку, а в катарсическом сюжете немецкого эмигрантского романа «обретение», наоборот, связано с перемещением не из центра на периферию и обратно, а с движением из центра на окраину пространственной модели.

Кроме того, в рамках катарсического сюжетостроения возможен (и реализуется в ряде романов) соответствующий «минус-прием» –

¹ Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. – Т. 2 : Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М., 2004. – С. 204.

разворачивание некатарсических сюжетных линий. Критерием разграничения катарсических и некатарсических линий во всех случаях является наличие или отсутствие в биографии героя комплекса перехода границы, который имеет пространственную природу и без которого невозможно действие механизмов компенсации. В силу этого катарсис – компонент сюжета – в немецком эмигрантском романе является пространственно обусловленным.

В *Заключении* обобщаются основные результаты исследования. Утверждается, что формирование эмигрантского романа стало не менее важным событием в истории немецкой эмигрантской литературы, чем развитие уже существующих жанров (например, исторического романа).

Для реконструкции жанровых черт немецкого эмигрантского романа важнейшим является анализ его пространственной организации. Пространственные координаты первичны для особого оформления художественного мира немецкого эмигрантского романа. В структурном отношении они воспроизводят пространство классического мифа, выстроенное концентрическими кругами вокруг сакрального центра. Чередующиеся точки зрения героев-наци и героев-эмигрантов формируют две противоположных модели пространства, одна из которых – пространство наци – сходно с пространством мифа как в плане структуры, так и в плане аксиологии. Пространство эмиграции тоже имеет концентрическую организацию, однако распределение в эмигрантском сознании ценностных маркеров по шкале сакральность/профанность демонстрирует полную инверсию по отношению к мифологической модели мира. В основе структуры пространства эмиграции – противопоставление не сакрального центра и профанной, а затем враждебной периферии, а «темного» центра и «светлой» периферии, поскольку в центре этого мира располагается немецкий город, находящийся под властью национал-социалистов как носителей абсолютного, метафизического зла.

Анализ пространственных образов немецкого эмигрантского романа в их взаимосвязи с субъектной организацией позволяет констатировать, что для всех образцов жанра характерно доминирование субъектов речи и сознания (автора, повествователя, рассказчика, героя), которые являются носителями эмигрантского сознания и эмигрантских ценностей.

В плане событийного наполнения центральная зона пространства эмиграции связана с вынужденным обретением героем статуса эмигранта, что в символическом смысле приравнивает его к мертвым. Избавление от эмигрантского статуса и присоединение к миру живых возможны только в окраинном «кольце». Передвижение героев-эмигрантов от центра к окраине осуществляется во многом под влиянием происходящих в пространстве эмиграции динамических процессов – прежде всего, расширения «темной» центральной зоны, которое обнаруживается на уровне как «больших», так и «малых» событий и способствует «выталкиванию» героев по направлению к окраине.

Стремление героя покинуть мир мертвых и стать живым, т.е. не-эмигрантом, гражданином одной из окраинных стран, порождает необходимость комплекса пороговых событий, который делает возможным

переход границы между миром мертвых и миром живых. Эти события локализуются в особом пороговом хронотопе, который, как правило, присутствует в располагающихся между центром и окраинным «кольцом» периферийных зонах. Прохождение порогового хронотопа связано с принесением жертвы (самим переходящим границу героем или другим героем в его пользу), уплатой выкупа препятствию, мстью или символическим переживанием смерти. Только после этого возможен переход границы, перемещение в окраинное кольцо и ликвидация всех «недостач» в жизни героя, порожденных нацистской реальностью.

Важнейший для немецкого эмигрантского романа комплекс перехода границы служит основанием для построения типологии героев, которые подразделяются на пересекающих границу и не пересекающих ее. Для осуществления перехода границы, помимо пороговых событий, необходимо соответствие системы ценностей героя инвертированной аксиологии пространства эмиграции, поэтому подлинный переход совершают только те герои, система ценностей которых выстроена центробежно и которые нацелены на максимальное удаление от «темного» центра эмигрантского мира. В другом случае, когда герой-эмигрант имеет центростремительно ориентированную систему ценностей, он к переходу границы не способен и чаще всего из промежуточного состояния между жизнью и смертью перемещается в мир мертвых.

Сюжет, в рамках которого событие представляет собой переход границы, принято называть циклическим. Немецкий эмигрантский роман демонстрирует в ряде аспектов достаточно точное соответствие циклической сюжетной схеме: герои-эмигранты также попадают в чужой мир, переживают собственную смерть и, переходя границу, воссоединяются с миром живых, что ликвидирует все возникшие в завязке «недостачи». Но это сюжетное движение не является характерным для циклического сюжета перемещением героя в прямом, а затем в обратном направлении. Компенсирующий событийный комплекс, который объединяет сюжет немецкого эмигрантского романа с циклическим, возможен только в случае максимального удаления героя от исходной точки и невозможен в случае возвращения туда. Поэтому сюжет немецкого эмигрантского романа описывается термином «катарсический сюжет». Эта трансформация одной из архаических сюжетных схем – логичное следствие ценностной «вывернутости» архаической модели пространства в мире эмиграции.

За счет общности в принципах построения пространства и сюжета немецкий эмигрантский роман моделирует свой, особый образ мира с особым типом повествующего слова, особым типом героя и особой структурой художественного мира – и в силу этого может быть квалифицирован как отдельный жанр.

Таким образом, общая логика реферируемого диссертационного исследования представляет собой, если использовать выражение Ц. Тодорова, движение «от произведения к литературе (или жанру)» – в отличие от противоположного пути, основанного на дедуктивной логике и

предполагающего движение «от литературы (жанра) к произведению».

Жанровая структура немецкого эмигрантского романа оформляется достаточно рано – уже в 1930-е – начале 1940-х годов. Романы «Изгнание» (1939), «Вулкан» (1939), «Возлюби ближнего своего» (1941) присущи ключевые жанровые признаки эмигрантского романа, выделенные и описанные нами в соответствующих главах диссертационного исследования. Жанровая модель эмигрантского романа обнаруживает тенденцию к изменениям, начиная с 1940-х годов. В 1944 году Анна Зегерс создает роман «Транзит», пространственные координаты которого не демонстрируют полного соответствия описанной жанровой модели. Т. Манн, напротив, отказывается от тематической связи с событиями 1930–1940-х годов, но выводит в своей романной тетралогии «Иосиф и его братья» героя-изгнанника, вынужденного совершать такой же выбор ценностно-специфичных пространственных ориентиров, какой совершают герои-эмигранты. В 1945 году появляется роман Э.М. Ремарка «Триумфальная арка», который повествует не столько о пути героя-эмигранта из центра на окраину, сколько о ключевой «остановке» на этом пути и о переходе границы. В романах 1960–1970-х годов Ремарк, продолжающий работать в данном жанре, ставит героя-эмигранта в такие условия, в которых он формально пересекает границу и перемещается в окраинное «кольцо», но закрепиться в нем не может, так как герой не пережил пороговых событий и его по-прежнему связывают с Европой травмы и невыполненные обязательства.

Далее в Заключение ставится вопрос о представленности изучаемого феномена в мировой литературе в целом. Тема эмиграции возникает еще в античной литературе, впоследствии периодически получая мощную актуализацию в разных национальных литературах – в связи с трагическими изменениями историко-политического контекста. Однако отношение к покинутой родине у литературных эмигрантов в словесности до XX века остается положительным. Пока возвращение на родину воспринималось как предел желаний для вынужденного эмигранта, жанр эмигрантского романа появиться не мог. Для его возникновения необходимо изменение оценочного отношения и к покинутой родине, и к факту эмиграции. Только в этом случае становится возможным появление героя, который вынужден производить акт аксиологического самоопределения и переоценки мира по шкале свое/чужое, – это важнейшая предпосылка формирования жанра.

Эмиграция не является феноменом, ограниченным только немецкой историей и культурой обозначенного периода. В «катастрофическом» XX веке схожие явления наблюдались не только в Германии, но и в других странах (Россия, Испания, Австрия и пр.). Но феномен эмиграции связан не только с исторической ситуацией в ряде стран мира. Эмиграция постепенно становится своего рода ментальным состоянием человека XX века, переживающего «апофеоз беспочвенности»; истоки же этого мироощущения связаны как с масштабной эмиграцией из стран, охваченных историческими катастрофами, так и с обширным опытом литературного осмысления данных событий. Эту кризисную картину мира запечатлела эмигрантская литература многих стран,

она нашла свое выражение в разных национальных образцах жанра эмигрантского романа.

Проведенное исследование открывает широкие перспективы, связанные с изучением вариантов эмигрантского романа, сложившегося в разных национальных литературах. Иные национальные варианты изучаемого жанра могут характеризоваться и другим соотношением рассмотренных нами аспектов романной поэтики; для выявления их жанрового своеобразия сравнение с немецкой жанровой моделью эмигрантского романа может оказаться весьма продуктивным.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Поршнева А. С. «Катарсис» в сюжетно-пространственной организации романа Э. М. Ремарка «Возлюби ближнего своего» / А. С. Поршнева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4 (10). – С. 165–172.
2. Поршнева А. С. Пространство наци и пространство эмиграции в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» / А. С. Поршнева // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (105). – С. 188–203.
3. Поршнева А. С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» / А. С. Поршнева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 3 (19). – С. 140–149.
4. Поршнева А. С. Динамика пространства эмиграции в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» / А. С. Поршнева // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 4. – Т. 1 : Филология. – С. 63–74.
5. Поршнева А. С. Пространство наци и пространство эмиграции в романе Клауса Манна «Бегство на север» / А. С. Поршнева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 10. – С. 280–289.
6. Поршнева А. С. Пространство и сюжет в романе Клауса Манна «Бегство на север» / А. С. Поршнева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 7 (18) : в 2-х ч. – Ч. II. – С. 171–175.
7. Поршнева А. С. Пространство эмиграции в романе Клауса Манна «Вулкан» / А. С. Поршнева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 83. – 2013. – № 29 (320). – С. 115–125.
8. Поршнева А. С. Динамика пространства эмиграции в романе Клауса Манна «Вулкан» / А. С. Поршнева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 3

- (23). – С. 145–151.
9. Поршнева А. С., Праздничных О. И. Концепт «наци» в эмигрантских романах Э.М. Ремарка / А. С. Поршнева, О. И. Праздничных // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 2. Гуманитарные науки. – С. 207–220.
 10. Поршнева А. С., Курмачева Я. Ю. Концепт «эмигрант» в романах Э.М. Ремарка / А. С. Поршнева, Я. Ю. Курмачева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 6 (24) : в 2-х ч. – Ч. I. – С. 169–175.
 11. Поршнева А. С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Вулкан» (сюжетная линия Беньямина Абеля) / А. С. Поршнева // Известия Уральского федерального университета. – 2013. – № 4 (120). – С. 171–181.
 12. Поршнева А. С. «Вулкан» Клауса Манна: сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» и типология героев / А. С. Поршнева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 9. – С. 263–277.
 13. Поршнева А. С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Вулкан»: на материале сюжетной линии главной героини / А. С. Поршнева // Известия Саратовского университета. – 2014. – № 4. – С. 103–109.
 14. Поршнева А.С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Бегство на север» / А.С. Поршнева // Филология и человек. – 2015. – № 2. – С. 51–61.
 15. Поршнева А.С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» / А.С. Поршнева // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 2 (46). – С. 314–325.
 16. Поршнева А.С. Феномен пространства наци в немецком эмигрантском романе / А.С. Поршнева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 4. – С. 107–112.
 17. Поршнева А.С. Античные и ветхозаветные аллюзии в немецком эмигрантском романе / А.С. Поршнева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 185–192.

II. Монографии:

18. Поршнева А. С. Пространство эмиграции в романном творчестве Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2010. – 231 с. (12,8 п.л.)
19. Поршнева А. С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930–1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн) / А. С. Поршнева. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – 306 с. (17,8 п.л.)

III. Публикации в сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

20. Поршнева А. С. Городской текст в творчестве Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // *Мировая литература в контексте культуры* : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. и Всерос. студ. науч. конф. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2008. – С. 102–104.
21. Поршнева А. С. Имя и анонимность в творчестве Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // *Слово – текст – смысл* : межвуз. сб. студ. науч. работ. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – Вып. 3. – С. 109–112.
22. Поршнева А. С. Символика горы в романе Э.М. Ремарка «Небеса не знают любимчиков» / А. С. Поршнева // *Взаимодействие литературы с другими видами искусства: XXI Пуришевские чтения* : сб. ст. и материалов междунар. конф. – М. : Изд-во МПГУ, 2009. – С. 65.
23. Поршнева А. С. Убийство Хааке: к вопросу об эволюции героя в романе Э. М. Ремарка «Триумфальная арка» / А. С. Поршнева // *Литература в контексте современности* : сб. материалов IV Междунар. науч.-метод. конф. – Челябинск : Изд-во Челяб. ун-та, 2009. – С. 376–380.
24. Поршнева А. С. Emigrantenroman («эмигрантский роман») как жанровая номинация в творчестве Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // *Дергачевские чтения-2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций* : материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – Т. 2. – С. 353–358.
25. Поршнева А. С. Эмигранты и эмиграция в романах Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // *Пограничные процессы в литературе и культуре* : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конференции. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2009. – С. 66–68.
26. Поршнева А. С. Символика имени собственного в эмигрантских романах Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // *Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура* : сб. ст.. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2010. – С. 303–310.
27. Поршнева А. С. Проблема самоопределения немецкой эмиграции 1930–1940-х гг. и ее художественное воплощение в романах Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // *XXII Пуришевские чтения: «История идей в жанровой истории»* : сборник ст. и материалов. – М. : МПГУ, 2010. – С. 81–83.
28. Поршнева А. С. Символика смерти в творчестве Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // *Мировая литература в контексте культуры* : сб. материалов VII междунар. науч. конф. – Пермь : ПГУ, 2010. – С. 71–74.
29. Поршнева А. С. Изучение художественного пространства: стратегии и алгоритмы / А. С. Поршнева // *Иноязычный дискурс: проблемы*

- интерпретаций и изучения : сб. науч. тр. – Вып. 2. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 96–115.
30. Поршнева А. С. О киноверсии романа Э. М. Ремарка «Триумфальная арка» / А. С. Поршнева // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр : сб. ст. – Вып. 1. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2011. – С. 74–78.
 31. Поршнева А. С. Образ Америки в поздних эмигрантских романах Э. М. Ремарка / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры : сб. материалов VIII междунар. науч. конф. – Пермь : ПГУ, 2011. – С. 122–127.
 32. Поршнева А. С. Сюжетно-пространственное единство романа Э.М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне» и проблема «катарсиса» / А. С. Поршнева // Bakı Slavyan Universiteti Elmi əsərlər. İctimai-siyasi elmlər seriyası. Dil və ədəbiyyat seriyası. – Bakı, 2012. – S. 123–133.
 33. Поршнева А. С. Сюжетный комплекс жертвоприношения в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание»: Гарри Майзель и Рауль де Шассефьер / А. С. Поршнева // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура : сборник статей. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2012. – С. 121–129.
 34. Поршнева А. С. Мюнхен в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. – 2012. – Вып. 1 (7). – С. 95–103.
 35. Поршнева А. С. Функции античных аллюзий в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» / А. С. Поршнева // Литература в контексте современности : сборник материалов VI международной научно-методической конференции. – Челябинск : Изд-во ООО «Энциклопедия», 2012. – С. 89–95.
 36. Поршнева А. С. Сюжетный комплекс посвящения в романе Клауса Манна «Вулкан» / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. – 2013. – № 2 (8). – С. 72–77.
 37. Поршнева А. С., Курмачева Я. Ю. Концепт «эмигрант» в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» / А. С. Поршнева, Я. Ю. Курмачева // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур : материалы Всеросс. студ. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Пермь : ПГУ, 2013. – Ч. 1. – С. 109–115.
 38. Поршнева А. С., Праздничных О. И. Концепт *наци* в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» / А. С. Поршнева, О. И. Праздничных // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всеросс. науч. конф. молодых ученых. – Ч. II : Актуальные вопросы изучения отечественной и зарубежной литературы. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 286–293.
 39. Поршнева А. С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Вулкан»: на материале сюжетной линии Давида Дойча / А. С. Поршнева // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. – Вып. 5. – Саратов, 2014. – С.

- 226–233.
40. Поршнева А. С. О типологии героев немецкого эмигрантского романа / А. С. Поршнева // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура : сборник статей. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – С. 63–72.
 41. Поршнева А. С. Сюжетология немецкого эмигрантского романа / А. С. Поршнева // Мировая литература в контексте культуры. – 2014. – № 3 (9). – С. 39–44.
 42. Поршнева А. С. Жанровые особенности немецкого эмигрантского романа 1930–1970-х гг. / А. С. Поршнева // Движение времени и законы жанра : материалы науч.-практ. конференции словесников. Екатеринбург, 4 апреля 2014 г. – Екатеринбург, 2014. – С. 121–132.
 43. Поршнева А. С. Образы материнского пространства в немецком эмигрантском романе / А. С. Поршнева // Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре : сб. материалов VII Всеросс. науч. конф. с международным участием. – Челябинск : Изд-во ООО «Энциклопедия», 2014. – С. 168–172.